

- 10 Ponomareva, E.V. (2012), “Oppozitsiia” ili “pozitsiia”: setevaia literatura v sovremennom literaturnom prostranstve [“Opposition” or “position”: network literature in the contemporary literary space], Ural'skii filologicheskii vestnik [Ural Philological Bulletin], pp. 194-207.
- 11 Bartosh, Yu.V. (2019), Spetsifika iazyka russkoi setevoi poezii [Specific features of the language of Russian network poetry], Rusistika [Russian Studies], No. 2, available at: <https://surl.lt/momniv> (accessed 11.02.2025).
- 12 Erzhanova, S., Zaikenova, R., Begmanova, B. (2015), Protsess sovremennoi literatury. Uchebnik [The process of contemporary literature. Textbook] (Almaty: Women's University, 2015), 340 p.
- 13 Mann, Yu. (2015), Literatura i sovremennyi mediadiskurs [Literature and modern media discourse], pp. 72-75
- 14 Chernets, L. (2011), Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to literary studies], pp. 184-187
- 15 Ismakova, A. (2013), Kazakhstanskaya literatura perioda nezavisimosti [Kazakh literature of the independence period], pp. 96-101

Received: 28.12.2025

МНРТІ 17.81.31

DOI: [10.59102/kufil/2026/iss2pp316-329](https://doi.org/10.59102/kufil/2026/iss2pp316-329)

Г.С. Умарова¹, А.Г. Бозбаева¹, А.Г. Яковлева¹

¹Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова, Уральск, 090000, Казахстан

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ШЕРХАНА МУРТАЗЫ

В статье осуществляется комплексный анализ художественного мира как «тестовые миры» (J.Gavins) прозы Шерхана Муртазы, рассматриваемого как целостная, многослойная модель действительности, формирующаяся на пересечении автобиографического опыта, исторической памяти и национально-культурных ценностей. Показано, что художественный мир писателя обладает собственной логикой организации, основанной на системе ключевых концептов (Ю.С.Степанов), образов и пространства (Ю.М.Лотман), среди которых центральное место занимают детство, материнство, родная земля и историческая травма. Особое внимание уделяется роману «Ай мен Айша», в котором индивидуальная судьба героя осмысливается как форма репрезентации коллективного исторического опыта, а образ Луны выступает сквозным символом, структурирующим смысловое пространство произведения и соединяющим категории памяти, страдания и духовной устойчивости. Художественный мир Муртазы интерпретируется как иммерсивное пространство (A.Bell), обеспечивающее эффект присутствия и погружения читателя в национально обусловленную картину мира. На этой основе раскрываются особенности языковой личности писателя, понимаемой как многокомпонентная когнитивно-прагматическая структура, реализующаяся в тексте через систему образных, метафорических и лингвокультурных средств (Ю.Н.Караулов). Установлено, что языковая личность Ш.Муртазы формируется под воздействием исторических катаклизмов XX века, личного жизненного опыта и традиций казахской культуры, что определяет специфику его идиостиля, или «стиль мышления», лингвистически кодирующийся в смысле «когнитивный паттерн» (Stockwell). Язык писателя функционирует не только как средство художественного изображения, но и как механизм сохранения и трансляции национальной идентичности, реализуясь на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях. Взаимосвязь художественного мира и языковой личности определяется как отношение формы и содержания, в рамках которого авторское мировидение получает языковую репрезентацию, превращая индивидуальный опыт в универсальную модель национального бытия.

Ключевые слова: художественный мир; языковая личность; национальная картина мира; автобиографизм; историческая память; идиостиль, Ш.Муртаза.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Представляемое исследование направлено на комплексную реконструкцию художественного мира (далее: ХМ) и языковой личности (далее: ЯЛ) Шерхана Муртазы (1931-2018), чье творчество неразрывно связано с историческим контекстом XX века. Несмотря на наличие множества работ, посвященных отдельным аспектам наследия писателя (история трагического детского опыта освещена А.Альжан; «языковую ткань» в духовном опыте народа в прозе автора исследовали А.А.Молдабаева, Ә.Қ.Құттымбетова; аккумуляцию коллективной памяти по трагической истории родной страны – А.Т. Кембаева и О.С.Жубай), целостная картина остается не до конца воссозданной.

Даже в анализе ключевого романа «Ай мен Айша» преобладали узкоспециализированные подходы: от изучения ЯЛ (Н.Б.Абдрахынова) и образа Барысхана (Б.Ө.Сманов, Ш.Д.Құттыбаев, Е.Б.Абдимомынов) до жанровых тенденций. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть ХМ и ЯЛ во взаимосвязи. Научная новизна заключается в введении в анализ внесюжетного элемента – символа Луны, который трактуется через призму сознания героя и архетипов национальной картины мира.

Авторский текст писателя предоставляет глубокие и разнообразные возможности для интерпретации в аспекте изучения ХМ творца и на основе его результатов представить особенности ЯЛ Ш.Муртазы. Такое исследование творчества казахского художника слова, чья ЯЛ состоялась в экзистенциальных условиях начала XX века и определила своеобразие его ХМ, основанного на репрезентации национальной идентичности и нравственных ценностей родного этноса, позволит обогатить читателя знанием и пониманием отдельно взятых произведений.

Опираясь на теорию Ю.С.Степанова, мы рассматриваем художественный мир как авторскую модель действительности, структурированную через концепты. Согласно ученому, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании» писателя, что и становится предметом нашего анализа. Элементами структуры ХМ творца (Ю.М.Лотман) рассматриваются персонаж и пространство. Синонимом ХМ используется понятие «тестовые миры» (J.Gavins). Нами применяется термин «эффект присутствия» как ощущение, созданное писателем с помощью собственного замысла с синтезом придуманного им мира, которое испытывает читатель. Зарубежными исследователями такое явление принято именовать «иммерсивным пространством» (A.Bell). Нами также воспринимается в качестве исследовательского инструментария понятие «ментальная конструкция» (P.Esmaeili, B.Akhavan, F.A.Amjad) как близкое сочетание вместо ХМ. Соглашаясь с видением зарубежного литературоведа, расширяем семантику «ментальной конструкции», строящуюся на индивидуально ментальном и эмоциональном опыте современного читателя (S.Whiteley).

В аспекте исследования неповторимых черт ХМ казахского писателя параллельно освещается проблема своеобразия ЯЛ Ш.Муртазы. В аспекте ЯЛ личность понимается как «владеющая системой языка» (Ю.Н. Караулов) или как «стиль мышления», лингвистически кодирующийся в смысле «когнитивный паттерн» (Stockwell).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена неугасающим интересом современной филологической науки к проблеме осмысления неповторимости ХМ прозаика, поэта. В свою очередь, ХМ выступает формой реализации ЯЛ создателя литературного произведения. При этом ХМ писателя воспринимается нами как пространство репрезентации национально-культурной картины мира. Творчество Ш.Муртазы представляет особый научный интерес,

поскольку в его произведениях индивидуальный жизненный опыт, историческая память и духовные ценности казахского народа получают целостное языковое воплощение.

Актуальность также обусловлена устойчивым интересом науки к проблеме художественного миромоделирования и к анализу способов репрезентации авторского сознания в художественном тексте. В условиях междисциплинарного сближения литературоведения, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии категория ХМ приобретает особую методологическую значимость, поскольку позволяет рассматривать произведение как целостную эстетическую и смысловую модель действительности. Обращение к прозе Ш.Муртазы представляется особенно актуальным в контексте осмысления национально-культурной памяти, исторической травмы и духовных ценностей казахского народа XX века. Роман «Ай мен Айша» / «Луна и Айша», обладая ярко выраженным автобиографическим характером, представляет собой художественное свидетельство эпохи, в котором индивидуальная судьба осмысливается как форма коллективного исторического опыта, что делает его значимым объектом научного анализа.

Выявление специфических черт ХМ Ш.Муртазы, которые помогут выявить уникальность ЯЛ писателя, является целью представляемого исследования. Выяснение национально-культурных доминант авторского мировидения как части художественного мира писателя способствует решению задач анализа лексико-семантического, когнитивного и прагматического уровней организации текста.

Корпус художественного наследия Ш.Муртазы выступает объектом анализа; созданный прозаиком в произведениях ХМ, реализующий его ЯЛ посредством языковых средств и структурных элементов – предметом предпринятого нами научного труда.

Выдвигается гипотеза о том, что ХМ писателя формируется как результат взаимодействия автобиографического опыта, исторической реальности и традиционной культуры, а язык служит основным механизмом сохранения и трансляции национальной идентичности. Научная значимость работы заключается в углублении представлений о феномене ХМ писателя и его ЯЛ в национальной литературе, позволяющие модернизировать методологические подходы к анализу художественного текста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужил роман Ш.Муртазы «Ай мен Айша» («Луна и Айша»), а также прозаические и публицистические тексты писателя, в которых наиболее полно проявляются его ХМ и ЯЛ.

В работе использованы системно-целостный литературоведческий подход, концептуальный анализ, хронотопический метод, структурно-семантический и лингвокультурологический анализ, а также контекстуально-биографический метод. Комплексное использование данных подходов позволяет рассматривать ХМ романа как автономную, эстетически организованную и культурно обусловленную модель действительности. Применялся также описательный метод с элементами интерпретации и обобщения, что позволило выявить лексико-семантические, когнитивные и прагматические особенности языковой личности автора и определить их роль в создании ХМ произведений.

Теоретическая значимость исследования обусловлена представлением разработки новых подходов для восполнения пробелов в изучении наследия современных казахских писателей. Предлагаемое исследование дает возможность разнообразить методологию анализа литературного произведения, раскрывая взаимосвязь между ХМ и ЯЛ прозаика. Выводы авторов углубляют понимание того, как национальная литература эволюционирует в условиях глобализации, трансформируя исторический и национальный опыт в художественные образы.

Практическая ценность заключается в применении результатов исследования при чтении курсов по истории казахской литературы XX века, теории литературы, при разработке спецкурсов по творчеству Ш.Муртазы. Результаты исследования окажут помощь для популяризации творчества писателя в казахстанских образовательных учреждениях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование построено на основе теоретических материалов по осмыслению понятий «художественный мир», «языковая личность» в трудах известных литературоведов и лингвистов. Так, ХМ как когнитивный, как понятийная категория, является созданная творцом модель реальности. Она отличается собственной логикой, пространством и временем. Данная концепция, по В.Н. Топорову, считается «духовным пространством», формируемым символами, мифологемами и образными структурами [1,71]. Не только принципом, но и воплощением, не только моделированием, но и моделью, не только идеей, но и её технической реализацией в форме стиля понимается художественный мир. В то же время трактуемое понятие, сближаясь с картиной мира, в ее же рамках, по Ю.С. Степанову, объясняется как система концептов, каждый из которых есть «сгусток культуры в сознании человека» [2].

Персонаж и пространство Ю.М.Лотман называет компонентами структуры художественного мира [3, 296-303]. Спецификой ХМ современный исследователь Л.Н.Чурилина видит его «форму объективизации ЯЛ» через лексику неопределенности, выделяя особенность самой ЯЗ как «текстовую языковую личность» и «вторичную знаковую систему», создаваемую читателем посредством вербальных опор. Исследователь выделяет вербально-семантический, лингво-когнитивный и прагматический уровни в структуре ЯЗ, объективирующие интеллектуальный опыт личности через лексикон, тезаурус и речевые акты [4, 9-13, 42]. По Ю.Н.Караулову, профиль автора реконструируется в результате анализа «текстового мира» и «тезауруса» личности творца. Автор исследования подчёркивает, что «за любым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка». ЯЛ способна создавать и воспринимать различающиеся по степени структурно-языковой сложности, глубине отражения реальности и целевой направленности тексты [5, 158].

С формального описания мира на процесс его ментального конструирования смещается акцент в зарубежной филологии в начале XXI века, где понятие «ХМ» заменяет термин «текстовые миры» (Text World). По теории текстовых миров, разработанной Дж.Гэвинс (J.Gavins), возникающая в процессе дискурса динамическая ментальная репрезентация подразумевает привычный нам ХМ. Координаты этого мира создаются автором произведений на основе использования специфических языковых маркеров (world-builders) [6, 10]. «Иммерсивным пространством», когда читатель погружается в придуманный писателем мир, испытывает «эффект присутствия», целостность которого обеспечивается не только текстом, но и связностью авторского замысла, называют ХМ исследователи А.Bell и М.-L.Ryan [7, 52].

Концепция «языковая личность», по Ю.Н.Караулову, – это синтез способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений. Исследователь выделяет трехуровневую модель ЯЛ: вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни. Лингвистом подчеркивается, что ЯЛ является «сквозным понятием», отражающим все аспекты изучения языка [5]. Зарубежный лингвист Stockwell расширяет это понятие через категорию «стиля мышления» (mind style). ЯЛ автора рассматривается не просто как «словарь», а как когнитивный паттерн, который лингвистически кодируется в тексте. Stockwell доказывает, что индивидуальные грамматические сдвиги формируют фундамент ХМ [8, 134].

В итоге выясняем, что ЯЛ является «архитектором» реальности, который переносит свои ментальные установки в ткань произведения. Связь между ХМ и ЯЛ носит характер «субъекта – продукта». В то же время ЯЛ выступает в роли детерминанта. Когнитивный и прагматический уровни автора диктуют выбор метафор, синтаксиса и концептов. Как отмечают А.Bell и М.-L. Ryan, модальности ХМ (что возможно, запрещено или желательно внутри него) являются прямой проекцией системы убеждений автора [7].

ХМ выполняет роль объективизации, материализуя ЯЛ. Анализируя структуру «текстового мира» (J.Gavins), исследователь реконструирует индивидуальный «стиль мышления» (Stockwell) творца. Таким образом, ХМ выступает формой реализации ЯЛ. Автор преобразует

национальный язык в индивидуально-авторскую систему, где каждый лингвистический выбор служит инструментом построения уникальной художественной реальности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Изученные теоретические материалы использовались при анализе ХМ и ЯЛ неповторимого таланта казахского прозаика Ш.Муртазы, его произведений, доказывающих тесную взаимосвязь ХМ и ЯЗ, или «текстового мира» и индивидуального «стиля мышления». В этой связи показательно, что в современной когнитивной поэтике ХМ определяется как ментальная конструкция: «текстовый мир представляет собой ментальную репрезентацию, которую формирует каждый участник речевого взаимодействия» [9]. При этом, как уточняет С.Уайтли, такие ментальные репрезентации формируются в процессе взаимодействия текста и читателя, обладающего собственным когнитивным и эмоциональным опытом [10]. Анализ конкретного художественного сознания писателя, в котором индивидуальный жизненный опыт, национально-культурная память и авторская картина мира находят системное отражение в языке произведений помогли уяснить, чья ЯЛ прозаика сформировалась в условиях исторических катаклизмов XX века и определила своеобразие его ХМ.

Проза Ш.Муртазы – явление уникальное. Новой и высшей ступенью его творчества, полагаем, стал роман «Ай мен Айша» / «Луна и Айша». В нем нашла сгущенное выражение проблема раннего сиротства, безвинных репрессий лучших представителей этноса, трагедия казахских вдов 30-х годов XX века. С позиций теории текстовых миров подобные травматические эпизоды формируют сложную структуру повествования, поскольку «читатель способен переходить от актуального текстового мира к альтернативным возможным мирам», что усиливает многослойность художественного мира. В этой связи С. Уайтли подчёркивает, что эмоциональное восприятие ХМ обусловлено механизмом психологической проекции, благодаря которому читатель «занимает когнитивную позицию внутри повествовательного мира и интерпретирует текст с этой перспективы» [10]. Творческое наследие художника слова казахской прозы составляют романы «Қара маржан» / «Чёрный коралл», «Қызыл жебе» / «Красная стрела», посвящённый памяти Т.Рыскулова; пьесу «Сталинге хат» / «Письмо Сталину», повести «Табылған теңіз» / «Найденное море», «Бұлтсыз найзағай» / «Безоблачная молния», «Белгісіз солдаттың баласы» / «Сын неизвестного солдата», «Мылтықсыз майдан» / «Фронт без оружия» и ряд других произведений, вошедших в золотой фонд национальной литературы. Ранние опыты переводов Ш.Муртазы произведений «Старик Хоттабыч» Л.Лагина и «Радость нашего дома» М.Карима стали истоком формирования его ЯЛ, поскольку способствовали освоению художественного слова, развитию чувства стиля и метафорического мышления. При этом важно отметить, что индивидуальный «стиль мышления» автора реализуется через языковые механизмы построения художественного мира, включая модальность и метафору, которые формируют так называемые эпистемические подмиры – пространства оценки, предположения и внутренней речи субъекта. «Автором особого назначения», отличающийся своеобразной художественной парадигмой, как «меткость метафор, эпитеты, стреляющие в цель, сочность сравнений» называет писателя исследователь З.Москау [11].

Одновременно развитие ЯЛ молодого таланта неразрывно связано с его биографией, с его интеллектуальным багажом, требующий от современного читателя подобного или схожего с ним собственно когнитивного и эмоционального опыта. Детство Ш.Муртазы пришлось на трагический период репрессий 1930-1940-х годов в Казахстане. Его отец был безвинно осужден, арестован и отправлен в колымские лагеря, где пропал без вести. Все тяготы воспитания детей легли на плечи матери Айши. Впоследствии писатель посвятил ей свой автобиографический роман «Ай мен Айша» / «Луна и Айша», в котором личная семейная трагедия осмысливается как часть национальной истории. В сюжетной организации его романов и пьес нередко включаются события из детства писателя. По рассказам Ш.Муртазы, его детство пришлось на «самое жестокое время», связанное с политическими катаклизмами

эпохи. По его словам, «из одного миллиона рождённых детей выживала лишь тысяча; массовая гибель людей от голода и чёрной оспы уносила жизни как взрослых, так и детей». Первые трое детей в семье Айши и Муртазы умерли от оспы; четвёртым ребёнком стал Шери – будущий писатель, которому удалось выжить, преодолев тяжёлую болезнь. Однако пережитые испытания не закончились. Через несколько лет маленький Шерхан стал свидетелем ареста отца: в один из декабрьских дней в дом пришли люди в штатском и увели Муртазу, фактически обрётши семью на нищету и постоянную борьбу за выживание. Эти события стали глубинным экзистенциальным опытом, определившим эмоционально-ценностное ядро ЯЛ писателя. Именно этот опыт лёг в основу романа «Ай мен Айша» / «Луна и Айша», в котором частная судьба матери и сына приобретает символическое значение.

Тесной связью индивидуальной судьбы с историей государства характеризуется ХМ Ш.Муртазы. В этом аспекте показательным, что художественный мир может быть осмыслен как динамическая система подмиров, в которой воспоминание трансформируется в переживаемую заново реальность: «воспоминание превращается в своего рода повторное переживание происходящего». В малой прозе («Жүректе әжім болмайды» / «На сердце не бывает морщин») это проявляется через масштабность чувств, осмысленных в национальном контексте. Небольшое по объёму произведение отражает мастерство писателя, художественно отобразить трагическую судьбу, глубокое чувство любви двух людей, разлучённых судьбой. Личная история в рассказе осмысливается через призму истории государства, что отражает убеждение писателя в том, что судьба отдельного человека всегда связана с судьбой страны. Нравственно-эмоциональная функция текста («растопить лед души») является центральной установкой его творческого метода. Истоки этого мира лежат в трагическом детском опыте (голод, разруха), который стал для ЯЛ писателя фундаментальным источником сюжетов. Подобный жизненный опыт в судьбе писателя наводит на мысль Э.Хемингуэя о уникальности формирования личности художника слова на основе трагического детства. Тем самым можно допустить, что художественное осмысление современным казахским прозаиком трагического детства как своего ментального опыта на страницах не только романа «Ай мен Айша», но и других текстов ставят произведения Ш.Муртазы на уровень мировой литературы. Таким образом, художественная реальность Ш.Муртазы (в романе «Луна и Айша») выступает как проекция «детского сердца», воплощающая пережитую историю народа.

Исследование ЯЛ Ш.Муртазы в отечественной филологии неотделимо от анализа его ХМ, где личный опыт автора и трагическая история народа получают системное воплощение. Ключевые образы ХМ Ш.Муртазы строятся на архетипическом и историческом кодах. В романе «Луна и Айша» образ матери (Айши) сакрализуется через метафору Луны – центральной «светлой сущности» детского мировосприятия, в которой обобщена судьба казахских женщин-хранительниц традиций. Историческая вертикаль мира писателя представлена в романе-эпопее «Красная стрела». Через биографию главного героя Т.Рыскулова автор осмысляет трагедию национальной интеллигенции и коллективную память народа. Общность судеб героя и самого автора (сиротство, репрессии в семье) подтверждает, что когнитивный уровень его ЯЛ сформирован личным сопричастием к большой истории страны. К этому добавить собственное признание писателя о многогранности своего творчества, в котором он указывает на значимую роль в нем литературную деятельности (писательское кредо) и журналистику, образно выражая их как «два крыла». Полагаем, что сочетание двух творческих начал оказало влияние на становление Ш.Муртазы как универсальной личности, сумевшей синтезировать в себе художественное творчество, национальную философию, публицистику и гражданскую позицию, и на их основе обогащалась его ЯЗ.

Основы ХМ Ш.Муртазы через художественное освещение проблем становления личности и преемственности поколений заложены его ранней прозой. В их числе повести «Найденное море» и «Сын неизвестного солдата». В первом произведении в образе главного героя Орала, потерявшего отца на войне, сполна испытавшего участь сиротской жизни, отображена история становления его как сильной личности, сумевшей преодолеть жизненные

трудности, стать трудолюбивым человеком и привязаться к своей малой родине, свято хранить память об отце. Орала отличает стремление быть верным памяти отца. Такой же мотив сиротской судьбы и сильной личности писатель вводит и в повесть «Сын неизвестного солдата». В итоге замечаем, что опыт сиротской жизни не только в собственной судьбе, но и в жизни сверстников как философская проблематика осмысления человеческой судьбы находят отражение в ХМ и ЯЛ как основной инструмент отображения этой целостной картины мира Ш.Муртазы. ЯЛ автора представляет собой синтез автобиографического опыта, исторических событий и литературных традиций, где язык выступает инструментом фиксации национальной идентичности и картины мира [12, 41].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что ЯЛ Ш.Муртазы предстает как многослойная структура, сформированная синтезом автобиографического опыта, национальных катаклизмов и литературной традиции (прежде всего, наследия Абая). Его ХМ выступает инструментом репрезентации целостной «языковой картины мира», где, согласно концепции Г.А. Брутяна, закреплена информация о национальном бытии [15,108].

Объективную оценку творчеству писателя как национального феномена находим в исследованиях А.Т.Кембаевой и О.С.Жұбай. Индивидуально-авторская система Ш.Муртазы аккумулирует коллективную память о трагических страницах истории Казахстана (репрессии, война, разруха), превращая художественный текст в существенный источник познания казахской идентичности [12, 35]. Универсальная личность Ш.Муртазы – художника и общественного деятеля – обеспечивает трансляцию духовного кода этноса через уникальную языковую ткань своих произведений. В аспекте антропоцентрической парадигмы личный опыт Ш.Муртазы трансформируется в национальный символ. Методологической основой анализа выступает понятие *лингвокультуры* (по В.В.Воробьеву), объединяющей языковое значение и культурный смысл [12]. Через художественное слово автор передаёт не только индивидуальные переживания, но и коллективную боль народа, превращая личный опыт в национальный символ. В статье выделяются лингвокультурные единицы, отражающие повседневную жизнь, духовный мир и этнографические особенности казахского народа; философские ценности, выраженные в афористике и эссеистике казахского писателя Ш.Муртазы. Значимым элементом лингвокогнитивного ЯЛ писателя является концепт *ұрпақ* («поколение»). В произведениях Ш. Муртазы он связан с идеей преемственности, ответственности перед предками и будущими поколениями. Писатель подчёркивает непрерывность жизненного пути народа.

Женские образы (мать Айша, Домалак ана) в ХМ Ш.Муртазы сакрализуются, становясь нравственным центром авторской картины мира. ЯЛ писателя эксплицируется через активное использование *паремиологического фонда* (поговорок и пословиц) как носителей коллективной мудрости («*Балалы үй – базар...*») и этнографических маркеров (обычай *ат тергеу*). Речь героев, насыщенная традиционными формулами и благопожеланиями (*бата*), служит инструментом сохранения национального кода. Публицистическое кредо автора (книга «*Бір кем дүние*») демонстрирует неразрывную связь языка и выживания этноса: утрата родного слова приравнивается к гибели народа (*Народ, потерявший родной язык, – погибший народ*) – классический образец публицистического афоризма, выражающий кредо автора) [12]. В итоге, через систему лингвокультурных табу и афористики Ш.Муртаза реконструирует традиционные нормы скромности, уважения и духовной преемственности. Афористика у Ш.Муртазы выполняет роль того «мостика», где его индивидуальная ЯЛ встречается с мудростью народа.

Ярко выраженная ЯЛ писателя, проявляющаяся в своеобразии авторского стиля, характере речевых портретов персонажей и особенностях художественного мышления, заметила исследователь Н.Б.Абдрахынова в романе «Ай мен Айша» [13, 38]. Слово у Ш.Муртазы не только называет, но и оживляет изображаемое, придавая «безжизненному» предмету или явлению внутреннюю энергию и эмоциональную насыщенность, подобно с материнским даром «вдохнуть жизнь». Этот дар доступен лишь подлинному художнику слова, какими являлись классики казахской словесности М.Ауэзов, А.Кекильбаев,

Т.Алемкулов, Ш.Муртаза, считает Н.Б. Абдрахынова. Последний выделяется «способностью глубоко и эмоционально передавать трагические страницы истории народа, превращая личный и коллективный опыт в художественно осмысленное целое» [13, 39].

Мастерство формирования языковой личности персонажа – одна из ключевых особенностей ХМ Ш.Муртазы. Писатель использует разнообразные приёмы, позволяющие раскрыть характер героя через речь, интонацию, лексический выбор и оценочную окраску высказываний. Так, метафорическое выражение «*тарпаң тағдыр*» («буйная судьба») используется для обозначения жестоких жизненных испытаний. Абдрахынова уточняет, что слово *тарпаң* в казахском языке обозначает дикую лошадь (по В.В.Радлову), а потому ассоциируется с неукротимой, неуправляемой силой. Через эту метафору судьба предстает как слепая и беспощадная стихия [13, 39]. Особое внимание обращает авторская позиция, проявляемая не только через речь персонажей, но и через *собственное слово* повествователя.

ХМ писателя уникален при изображении автором национального характера. В романе подчёркиваются такие черты казахского народа, как *намыс* (честь), скромность, доверчивость, недостаток житейской хитрости: «Тұла бойы тұнған *намыстан* жаралған қайран қазақ. *Намысы* мол, айласы аз...». Абдрахынова отмечает, что национальный характер раскрывается через речь персонажей, а их коммуникативное поведение позволяет читателю почувствовать внутренний мир героев и особенности коллективного сознания [13, 40].

Неповторимой чертой индивидуального стиля Ш. Муртазы является *приём контраста*: сопоставление добра и зла, справедливости и несправедливости, чёрного и белого. В частности, в философском размышлении: «*В мире нет изъяна. Мир портим мы сами... Самое умное создание – человек. И он же превратил разум в мучение*». В данном эпизоде писатель одновременно подчёркивает величие и трагизм человеческой природы. Лексема *бейшара* («бедняга») используется здесь в значении сочувствия и эмоциональной близости, что типично для национальной языковой картины мира [13, 41]. В диалогах Ш. Муртазы раскрывается не только характер персонажа, но и *универсальные философские вопросы*. Реплика Жолдасбека «*Ағай, басқа планетада адамдар бар ма?*» («Учитель, есть ли люди на других планетах?»), дополненная авторским комментарием «*Қу зой*» («Хитёр»), меняет восприятие героя: читатель понимает, что вопрос задан не из наивности, а как способ увести разговор в сторону. В результате, одно короткое оценочное слово полностью трансформирует образ персонажа [13, 41].

Вследствие этого, ЯЛ Шерхана Муртазы формируется на пересечении индивидуального жизненного опыта, национальной культуры и исторической памяти. Его ХМ отличается высокой степенью языковой осознанности, точностью оценок, образностью и умением раскрывать характер персонажа через слово. Язык произведений Ш. Муртазы выступает не только средством художественного изображения, но и основным механизмом формирования коммуникативного пространства между автором и читателем, что делает его творчество значимым объектом исследования в современной лингвистике и литературоведении. Как подчёркивают Б.Ө.Сманов, Ш.Д.Құттыбаев и Е.Б.Абдимомынов, в данном произведении авторский образ раскрывается не декларативно, а через систему персонажей, прежде всего через фигуру главного героя Барысхана, чьё детство и становление отражают трагические страницы истории Казахстана XX века [14]. Образ Барысхана, по мнению исследователей, писатель выстраивает не как абстрактный тип, а как живую личность, в которой соединяются индивидуальное и типическое, частное и общенациональное [14]. Обращаясь к суждениям В.Г. Белинского («поэт мыслит образами») и З.Қабдолова, отечественные исследователи подчёркивают ценность художественного образа жизненной достоверностью и опорой на прототип. Эти положения в полной мере применимы к роману «Ай мен Айша», где образ Барысхана имеет ярко выраженную автобиографическую основу: его детство проходит на фоне голода, репрессий 1930-х годов. Судьба одной семьи становится отражением судьбы поколения. После ареста отца в 1937 году герой рано взрослеет, помогая матери и братьям, что формирует его характер. ЯЛ Барысхана раскрывается через внутренние монологи, поступки и речь. Он обладает обострённым чувством справедливости, не принимает унижения

и противостоит насилию, что проявляется в конфликте с Тасбетом, символизирующем противостояние человеческого достоинства и репрессивной системы [14]. Неуправляемость поступков Тасбета вносит в жизнь сирот и вдов трагический колорит как символ зловещих сил.

Особое значение имеет образ матери Айши, тесно связанный с образом луны. Писатель выстраивает параллель «Айша – Ай», создавая символическую систему, где луна отражает внутреннее состояние героини. В моменты боли лунный свет исчезает, а в моменты душевного покоя и заботы о детях появляется мягкое сияние. Образ Луны становится важнейшим выразителем эмоционального и духовного состояния Айши и одновременно средством раскрытия авторского мировосприятия [14]. Через эту символику Ш.Муртаза осмысляет материнство как источник нравственной силы и духовного света. Эпизод с желанием присвоить утку с чужого двора и реакцией Айши подчёркивают нравственный принцип: даже в условиях нужды нельзя переступать моральные нормы. Ёмкий символический образ казахской женщины той эпохи кажется отзвуками дисгармонии «страшного мира». Подобные сцены демонстрируют, как через бытовые ситуации раскрываются основы национальной морали и формируется система ценностей героя.

Важным компонентом ХМ Муртазы является образ родной земли. Воспоминания о родном селе, природе Жуалы и Аксу-Жабаглы подчёркивают неразрывную связь личности с родиной как источником духовных ориентиров. Образ Барысхана, сформированный в условиях исторических испытаний, отражает авторское мировидение и гражданскую позицию. Через систему образов, включая ключевой символ луны, речевые характеристики и сюжетные конфликты писатель создаёт целостный ХМ, где судьба личности соотносится с судьбой народа, а язык становится главным средством сохранения исторической памяти и национальных ценностей.

ХМ и ЯЛ автора современная филология рассматривает через жанровое своеобразие текста. Роман «Ай мен Айша» – это мемуарно-художественное полотно, которое П.А.Жұмағали определяет как «роман-дилогию, где взаимодействуют два временных пласта – детство и взрослая жизнь». Это позволяет автору воссоздать атмосферу эпохи посредством призмы личной судьбы. Благодаря присутствию в ткани произведения многих исторических фактов и глубокому психологизму, «роман «Ай мен Айша» справедливо определяется как один из наиболее репрезентативных образцов мемуарной прозы в казахской литературе». Личная память органично соединяется с исторической правдой, формируя многослойное повествование. Наряду с этим, историзм романа глубоко отражает реалии 1930–1950-х годов: коллективизацию, репрессии и голод. Судьба Айши и её детей, переживающих лишения и социальное давление, коррелирует с объективной исторической действительностью. Введение образов Бауыржана Момышулы и депортированных немецких семей дополнительно усиливает документальную достоверность. Композиционно текст организован как совокупность автономных фрагментов, что обеспечивает динамику и глубокое осмысление событий. В то же время психологизм раскрывается через авторские монологи и символику, где центральное место занимает параллель «Айша – Ай» (Луна). Луна здесь выступает не просто пейзажем, а метафизическим маркером стойкости героини. Через этот образ автор транслирует философское осмысление материнства, выводя индивидуальный опыт на уровень общенационального обобщения.

В рамках теоретической части исследования были рассмотрены основные подходы к понятию ХМ и ЯЛ писателя, что позволило перейти к анализу конкретного текста. Уже в начальном фрагменте произведения детство выдвигается в позицию смыслового и аксиологического центра: *«Нет взрослого, который не пришел бы из «страны детства».* *Трудно представить человека, родившегося без родовой»* [15, 7]. В данном контексте метафора «страны детства» приобретает статус универсальной модели, в рамках которой детство осмысливается как фундаментальная категория человеческого бытия. Автобиографическое начало усиливается прямым включением автора в повествование: *«И я один из тех, пришедших из «страны детства».* *Мать звали Айша»* [15, 7]. Отсутствие

дистанции между автором и повествователем свидетельствует о совпадении субъектов речи и отражает характерную черту ЯЛ Муртазы – ориентацию на искренность и личностную достоверность. Особое значение приобретает мотив сна, через который реализуется концепция избирательности памяти: *«Был в Париже – почему-то Париж не снился. Был в Мысыре – он тоже не снился. Постоянно снится детство»* [15, 7]. Повтор синтаксической конструкции усиливает контраст между внешним опытом и внутренним, экзистенциально значимым миром. Конкретизация сновидений (*«Ежедневно снится Мыңбулак. Снится Аксу-Жабағылы. Во сне постоянно вижу отчий дом»* [15, 7]) актуализирует пространственные маркеры национально-культурной идентичности. Фрагментарность памяти об отце (*«Муртаза снится редко, так как когда он ушел, мне было всего пять лет. Смутные воспоминания»*) выступает как художественный приём, отражающий специфику детского восприятия. При этом дальнейшее развитие образа осуществляется через конкретные эпизоды (*«А вот как Муртаза разговаривал с русским Гришкой, помню ясно»* [15, 8]), что демонстрирует сочетание эмоциональной недосказанности и бытовой точности.

Значимое место занимает тема межэтнического взаимодействия, представленная через детское сознание: *«Ныне удивляюсь. Тогда мы, четырех-пятилетние дети казахов и русских, на каком же языке мы изъяснялись?»* [15, 10]. Ответ (*«Видимо, у четырех-пятилетних детей есть такие способности...»*) переводит проблему в антропологическую плоскость, утверждая идею доязыкового взаимопонимания. В главе «Камка» бытовая ситуация (пропажа козы) приобретает символическое измерение. Кульминационным становится введение образа луны: *«Вышла полумесяцем Луна. Словно изливая своё горе, Айша сказала, глядя на небо...»* [15, 27]. Луна здесь выступает как адресат человеческой боли, однако её реакция принципиально иная: *«Луна безмолвствовала. В слабом лунном свете блестели слёзы Айши»* [15, 28]. В итоге, Луна приобретает статус «немого свидетеля», фиксирующего страдание, но не вмешивающегося в него. Данный образ получает дальнейшее развитие: *«В окно глядит половинчатая Луна... скрывается за облако»* [15, 30]. Половинчатость Луны символизирует разорванность мира, неполноту справедливости и невозможность гармонии в условиях исторического насилия.

Символика Луны (глава «Лунные ночи») углубляется и структурирует повествование: *«...в незастеклённое окно заглянула Луна»* [15, 34]. Луна выступает как активный субъект, размывающий границы между внешним и внутренним пространством. Важное значение приобретает утверждение: *«Эти ночи были для нас благодатными и благословенными Аллахом временами»* [15, 34], где ночное время, освещённое Луной, приобретает сакральный статус. Кульминационное осмысление образа выражено в следующей формуле: *«В окно заглянула Луна. Ныне кроме Луны некому даже справляться у нас о житье-бытье»* [15, 39]. Здесь Луна окончательно утверждается как единственный свидетель человеческого существования, заменяющий собой социальные и исторические институты. Иного качества трансформация образа происходит в главе «Лунообразное клеймо на ладони»: *«С тех пор на ладони осталось лунообразное клеймо. Словно краешек вновь родившейся луны»* [15, 90]. Луна становится телесным знаком памяти, фиксирующим травматический опыт. Фраза *«Если посмотрю, то сразу встают перед глазами студёные лихие годы»* [15, 90] демонстрирует её функцию как триггера памяти. Следовательно, образ Луны эволюционирует от внешнего природного элемента к центральному символу ХМ, соединяющему категории памяти, судьбы, страдания и духовной устойчивости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило значимость анализа ХМ писателя как формы репрезентации взаимодействия индивидуально-авторского мировидения и национально-культурной картины мира, отражённой в языке произведений писателя. ЯЛ Ш.Муртазы формируется на пересечении индивидуального опыта, исторической памяти и традиционной культуры. Установлено, что ключевыми доминантами художественного мира выступают мотивы детства, памяти, материнства, исторической травмы и родной земли. Особую роль

играет образ Луны как сквозной символ, структурирующий смысловое пространство произведения. Язык произведений Муртазы функционирует как механизм сохранения духовных ценностей и коллективной памяти, а ЯЛ автора реализуется на всех уровнях текста. Автобиографическое начало, соединённое с философским осмыслением истории, придаёт художественному миру целостность и глубину, позволяя трансформировать индивидуальную судьбу в универсальную модель национального бытия.

При последующем использовании анализа произведений нужно всегда учитывать, что ХМ вторичен, опосредован. Опосредован он дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М.: Наука, 1995. – С. 71–111.
- 2 Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 3 Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- 4 Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте: монография [Электронный ресурс]. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.
- 5 Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
- 6 Gavins J. Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 192 p. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1r285f>
- 7 Bell A., Ryan M.-L. Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology. – University of Nebraska Press, 2019. – 324 p. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv8xng0c>
- 8 Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. – 2nd ed. – London: Routledge, 2020. – 256 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780367854546/cognitive-poetics-peter-stockwell>
- 9 Esmaeili P., Akhavan B., Amjad F.A. A Text World Theory account of the traumatic episodes in Tim O'Brien's war memoir *The Things They Carried* // *Scholars Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. – 2015. – Vol. 3, № 1E. – P. 313–322. – DOI: 10.36347/sjahss.2015.v03i01.043.
- 10 Whiteley S. Text World Theory, real readers and emotional responses to *The Remains of the Day* // *Language and Literature*. – 2011. – Vol. 20, № 1. – P. 23–42. – DOI: 10.1177/0963947010377950.
- 11 Москау З. Шерхан Муртаза – автор особого назначения [Электронный ресурс]. – 06.02.2023. – URL: <https://kazpravda.kz/n/sherhan-murtaza-avtor-osobogo-naznacheniya/> (дата обращения: 11.02.2026).
- 12 Кембаева А.Т., Жұбай О.С. Шерхан Муртаза шығармаларындағы ұлттық мәдениеттің тілдік көріністері // *Вестник Евразийского гуманитарного института*. – Астана, 2024.
- 13 Абдрахынова Н.Б. Шерхан Мұртаза шығармаларының тілдік тұлғасы (Ай мен Айша шығармасы бойынша) [Электронный ресурс] // СДУ хабаршысы. – 2022. – URL: <https://repository.sdu.edu.kz/handle/123456789/1082> (дата обращения: 11.02.2026).
- 14 Сманов Б.О., Куттыбаев Ш.Д., Абдимомынов Е.Б. Писатель и действительность жизни: образ автора в романе Ш. Муртазы «Ай мен Айша» // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Филология*. – 2020. – № 3 (73).
- 15 Муртаза Ш. Луна и Айша: роман / пер. с казах. Г. Нурбеккызы. – Астана: Аударма, 2009. – 488 с.

Материал поступил в редакцию журнала 28.03.2026

Шерхан Мұртазаның көркем әлемі және тілдік тұлғасы

Г.С. Умарова¹, А.Г. Бозбаева¹, А.Г. Яковлева¹

¹Махамбет Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университеті, Орал, 090000, Қазақстан

Мақалада Шерхан Мұртаза прозасының көркем әлемі немесе «мәтіндегі әлем» (J.Gavins) кешенді түрде талданады; ол автобиографиялық тәжірибе, тарихи жад және ұлттық-мәдени құндылықтардың тоғысында қалыптасатын шынайылықтың тұтас, көпқабатты моделі ретінде қарастырылады. Жазушының көркем әлемі негізгі концепттер (Ю.С.Степанов), кейіпкерлер мен кеңістік (Ю.М.Лотман) жүйесіне негізделген өзіндік ұйымдасу логикасына ие екені көрсетіледі, олардың ішінде балалық шақ, ана болмыс, туған жер және тарихи жарақат жетекші орын алады. «Ай мен Айша» романына ерекше назар аударылады; онда кейіпкердің жеке тағдыры ұжымдық тарихи тәжірибені бейнелеудің формасы ретінде ұғынылады, ал Ай бейнесі шығармадағы мағыналық кеңістікті құрылымдайтын, жад, қасірет және рухани төзімділік категорияларын тоғыстыратын өзекті символ ретінде көрінеді. Мұртазаның көркем әлемі оқырманның қатысу және ену әсерін қамтамасыз ететін иммерсивті кеңістік (A.Bell) ретінде түсіндіріледі. Осы негізде жазушының тілдік тұлғасының ерекшеліктері ашылады; ол мәтінде бейнелі, метафоралық және лингвомәдени құралдар жүйесі арқылы жүзеге асатын көпқұрамды когнитивтік-прагматикалық құрылым (Ю.Н.Караулов) ретінде танылады. Ш.Мұртазаның тілдік тұлғасы ХХ ғасырдағы тарихи сілкіністердің, жеке өмірлік тәжірибенің және қазақ мәдениеті дәстүрлерінің ықпалымен қалыптасатыны анықталды, бұл оның идиостилинің немесе «когнитивтік паттерн» мағынасында лингвистикалық кодталатын «ойлау стилі» (Stockwell) өзіндік сипатын айқындайды. Жазушы тілі тек көркем бейнелеу құралы ғана емес, сонымен қатар ұлттық бірегейлікті сақтау мен жеткізудің механизмі ретінде қызмет етеді, вербалды-семантикалық, когнитивтік және прагматикалық деңгейлерде жүзеге асады. Көркем әлем мен тілдік тұлғаның өзара байланысы форма мен мазмұн арақатынасы ретінде анықталады, оның аясында автордың дүниетанымы тілдік репрезентацияға ие болып, жеке тәжірибе ұлттық болмыстың әмбебап моделіне айналады.

Кілт сөздер: көркем әлем; тілдік тұлға; ұлттық әлем бейнесі; автобиографизм; тарихи жад; идиостиль; Ш. Мұртаза.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Топоров В.Н. Плюшкиннің апологиясы: заттың антропоцентристік тұрғыдағы көрінісі // Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М.: Наука, 1995. – 71–111-бб.
- 2 Степанов Ю.С. Константы: орыс мәдениетінің сөздігі. Зерттеу тәжірибесі. – М.: Орыс мәдениетінің тілдері, 1997. – 824 б.
- 3 Лотман Ю.М. Көркем мәтіннің құрылымы. – М.: Искусство, 1970. – 384 б.
- 4 Чурилина Л.Н. «Тілдік тұлға» көркем мәтінде: монография [Электрондық ресурс]. – 2-бас., стереотипті. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 б.
- 5 Караулов Ю.Н. Орыс тілдік тұлғасы және оны зерттеу міндеттері // Тіл және тұлға. – М.: Наука, 1989. – 3–8-бб.
- 6 Gavins J. Text World Theory: An Introduction. – Эдинбург: Edinburgh University Press, 2007. – 192 б. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1r285f>
- 7 Bell A., Ryan M.-L. Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology. – University of Nebraska Press, 2019. – 324 б. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv8xng0c>
- 8 Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. – 2-бас. – Лондон: Routledge, 2020. – 256 б. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780367854546/cognitive-poetics-peter-stockwell>
- 9 Esmaeili P., Akhavan B., Amjad F.A. Тим О’Брайеннің «The Things They Carried» атты әскери мемуарындағы травматикалық эпизодтарды Text World Theory тұрғысынан талдау // Scholars Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. – 2015. – 3-т., № 1Е. – 313–322-бб. – DOI: 10.36347/sjahss.2015.v03i01.043.

- 10 Whiteley S. Text World Theory, нақты оқырмандар және «The Remains of the Day» шығармасына эмоциялық реакциялар // Language and Literature. – 2011. – 20-т., № 1. – 23–42-бб. – DOI: 10.1177/0963947010377950.
- 11 Москау З. Шерхан Мұртаза – ерекше миссиялы автор [Электрондық ресурс]. – 06.02.2023. – URL: <https://kazpravda.kz/n/sherhan-murtaza-avtor-osobogo-naznacheniya/> (қаралған күні: 11.02.2026).
- 12 Кембаева А.Т., Жұбай О.С. Шерхан Мұртаза шығармаларындағы ұлттық мәдениеттің тілдік көріністері // Еуразия гуманитарлық институтының хабаршысы. – Астана, 2024.
- 13 Абдрахынова Н.Б. Шерхан Мұртаза шығармаларының тілдік тұлғасы («Ай мен Айша» шығармасы бойынша) [Электрондық ресурс] // СДУ хабаршысы. – 2022. – URL: <https://repository.sdu.edu.kz/handle/123456789/1082> (қаралған күні: 11.02.2026).
- 14 Сманов Б.О., Құттыбаев Ш.Д., Абдимомынов Е.Б. Жазушы және өмір шындығы: Ш. Мұртазаның «Ай мен Айша» романындағы автор бейнесі // Абай атындағы ҚазҰПУ хабаршысы. Филология сериясы. – 2020. – № 3 (73).
- 15 Мұртаза Ш. Ай мен Айша: роман / қазақ тілінен аударған Г. Нұрбекқызы. – Астана: Аударма, 2009. – 488 б.

Материал 28.03.2026 баспаға түсті

The artistic world and linguistic personality of Sherlhan Murtaza

G. Umarova¹, A. Bozbayeva¹, A. Yakovleva¹

¹Makhambet Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan

This study examines the artistic world of Sherkhan Murtaza's prose as a multilayered text world shaped by autobiographical, historical, and cultural factors. The research aims to identify the key features of the writer's artistic world and linguistic personality and to determine their role in representing national identity. The analysis focuses on the novel Moon and Aisha, in which the protagonist's individual fate is interpreted as a representation of collective historical experience. Particular attention is paid to the image of the Moon as a recurring symbol that structures the semantic space of the novel and connects the categories of memory, suffering, and spiritual resilience.

The study employs literary, conceptual, linguocultural, and contextual-biographical approaches to examine the interaction between artistic representation and language. The findings demonstrate that Sherkhan Murtaza's linguistic personality was shaped by the historical cataclysms of the twentieth century, personal life experience, and the traditions of Kazakh culture, which determine the specificity of his idiosyncrasy and worldview. The writer's language functions not only as a means of artistic expression but also as a mechanism for preserving and transmitting national identity at the verbal-semantic, cognitive, and pragmatic levels.

The study contributes to a deeper understanding of the relationship between the artistic world and linguistic personality in Kazakh literature and highlights the role of language in transforming individual experience into a universal model of national existence.

Key words: artistic world; linguistic personality; national worldview; autobiographism; historical memory; idiosyncrasy; Sh. Murtaza.

REFERENCES

- 1 Toporov V.N. Apologija Pljushkina: veshh' v antropocentricheskoj perspektive // Mif. Ritual. Simvol. Obraz. – М.: Nauka, 1995. – S. 71–111.
- 2 Stepanov Ju.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. – М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
- 3 Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. – М.: Iskusstvo, 1970. – 384 s.
4. Churilina L.N. «Jazykovaja lichnost'» v hudozhestvennom tekste: monografija [Jelektronnyj resurs]. – 2-e izd., ster. – М.: Flinta: Nauka, 2011. – 240 s.

- 5 Karaulov Ju.N. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ejo izuchenija // Jazyk i lichnost'. – M.: Nauka, 1989. – S. 3–8.
- 6 Gavins J. Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 192 p. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1r285f>
- 7 Bell A., Ryan M.-L. Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology. – University of Nebraska Press, 2019. – 324 p. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv8xng0c>
- 8 Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. – 2nd ed. – London: Routledge, 2020. – 256 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780367854546/cognitive-poetics-peter-stockwell>
- 9 Esmaeili P., Akhavan B., Amjad F.A. A Text World Theory account of the traumatic episodes in Tim O'Brien's war memoir *The Things They Carried* // Scholars Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 3, № 1E. – P. 313–322. – DOI: 10.36347/sjahss.2015.v03i01.043.
- 10 Whiteley S. Text World Theory, real readers and emotional responses to *The Remains of the Day* // Language and Literature. – 2011. – Vol. 20, № 1. – P. 23–42. – DOI: 10.1177/0963947010377950.
- 11 Moskau Z. Sherhan Murtaza – avtor osobogo naznacheniya [Jelektronnyj resurs]. – 06.02.2023. – URL: <https://kazpravda.kz/n/sherhan-murtaza-avtor-osobogo-naznacheniya/> (data obrashheniya: 11.02.2026).
- 12 Kembraeva A.T., Zhymbaj O.S. Sherhan Murtaza shyfarmalaryndaғы ұлттық мәдениеттің тildik көринisteri // Vestnik Evrazijskogo gumanitarnogo instituta. – Astana, 2024.
- 13 Abdrahynova N.B. Sherhan Mұrtaza shyfarmalarynyñ tildik tұлғasy (Aj men Ajsha shyfarmasy boıynsha) [Jelektronnyj resurs] // SDU habarshysy. – 2022. – URL: <https://repository.sdu.edu.kz/handle/123456789/1082> (data obrashheniya: 11.02.2026).
- 14 Smanov B.O., Kuttybaev Sh.D., Abdimomynov E.B. Pisatel' i dejstvitel'nost' zhizni: obraz avtora v romane Sh. Murtazy «Aj men Ajsha» // Vestnik KazNPU im. Abaja. Seriya: Filologiya. – 2020. – № 3 (73).
- 15 Murtaza Sh. Luna i Ajsha: roman / per. s kazah. G. Nurbekkyzy. – Astana: Audarma, 2009. – 488 s.

Received: 28.03.2026